

ЦИЦЕРОН

О ГОСУДАРСТВЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)
Ц75

Серия «Эксклюзивная классика»
Перевод с латинского *В. Горенштейна*
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*
Компьютерный дизайн *Е. Фerez*

Цицерон, Марк Туллий.

Ц75 О государстве : [сборник] / Цицерон ; [перевод с латинского В. Горенштейна]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-145708-2

В политическом трактате «О государстве» Марк Туллий Цицерон развил идеи о трех формах государственного устройства — монархии, аристократии и демократии, проанализировав их достоинства и недостатки.

Трактат написан в традиционной для античной философии форме диалога с отсылками к «Государству» Платона.

Марку Туллию Цицерону принадлежит также философский трактат «О законах», посвященный теоретическим вопросам права и государства и задуманный как продолжение трактата «О государстве».

В настоящий сборник включено и письмо брата Марка Туллия Цицерона Квинта «Краткое наставление по соисканию», которое не так давно было опубликовано в США под актуальным названием «Как выигрывать выборы».

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-145708-2

© ООО «Издательство АСТ», 2024

О ГОСУДАРСТВЕ

Участники диалога

1. Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Нумантинский, сын Луция Эмилия Павла, усыновленный сыном Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего; в 147 г. он был избран в консулы; в 146 г., во время Третьей Пунической войны, взял и разрушил Карфаген; в 142 г. был цензором; в 134 г., будучи консулом вторично, взял Нуманцию. Сторонник нобилитета, противник Тиберия Гракха; глава «Сципионовского кружка» любителей античной культуры.

2. Гай Лелий (Младший), консул 140 г., ближайший друг Сципиона, участник Третьей Пунической войны, юрист. Современники прозвали его Мудрым (Sapiens).

3. Луций Фурий Фил, консул 136 г., известный оратор.

4. Маний Манилий, консул 149 г., участник Третьей Пунической войны, юрист.

5. Спурий Муммий, брат Луция Муммия, разрушившего Коринф в 146 г., сторонник нобилитета, стоик.

6. Квинт Элий Туберон, сын Эмилии, сестры Сципиона Эмилиана; трибун 133 г., претор 123 г., противник Гракхов.

7. Публий Рутилий Руф, друг Сципиона и Лелия, ученик Панэтия; в 134 г. сражался под Нуманцией, трибун 114 г., претор 110 г., консул 108 г.; в 100 г. был противником Сатурнина, в 94 г. как легат сопровождал в провинцию Азию проконсула Квинта Муция Сцевола, в 93 г. управлял этой провинцией и боролся со злоупотреблениями откупщиков (римских всадников); по возвращении в Рим был обвинен в хищениях и осужден всадническим судом, после чего жил в изгнании в Смирне, где его в 78 г. посетили Марк и Квинт Цицероны.

8. Квинт Муций Сцевола (Авгур), зять Гая Лелия, тесть оратора Луция Лициния Красса; трибун 123 г., консул 117 г., юрист, стоик, ученик Панэтия.

9. Гай Фанний, зять Гая Лелия; трибун 142 г., претор 132 г., консул 122 г.; стоик, ученик Панэтия.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ
КНИГА ПЕРВАЯ

[Если бы предки наши не ставили блага государства превыше всего, то Марк Камилл не] избавил бы Рима от нашествия [галлов, Маний Курий, Гай Фабриций и Тиберий Корунканий не спасли бы его от нападения Пирра¹,] (I, 1) Гай Дуелий², Авл Атилий³ и Луций Метелл⁴ — от ужаса, который Риму внушал Карфаген, а двое Сципионов⁵ кровью своей не потушили бы начинавшегося пожара Второй Пунической войны, Квинт Максим⁶ не добился бы перелома в военных действиях, когда они возобновились после увеличения сил врага, Марк Марцелл⁷ не сломил бы противника, а Публий Африканский⁸ не перенес бы войны в стены вражеских городов, отбросив ее от ворот нашего города.

Далее, Марку Катону⁹, человеку малоизвестному и новому¹⁰, который всем нам, проявляющим такие же стремления, как бы подает пример настойчивости и доблести, право, было дозволено наслаждаться досугом¹¹ в Тускуле, здоровой местности близ Рима; но он, человек безрассудный, как думает кое-кто¹², предпочел, хотя его и не заставляла необходимость, до глубокой старости носиться по волнам в бури¹³, а не вести приятнейшую жизнь в тишине и на досуге. Не говорю уже о бес-

численном множестве мужей, из которых каждый служил благу нашего государства; о тех, кто [не] забыт нашим поколением, я упоминать не стану, дабы никто не мог посетовать на то, что я пропустил его или кого-нибудь из его родных. Утверждаю одно: природа наделила человека столь великим стремлением поступать доблестно¹⁴ и столь великой склонностью служить общему благу, что сила эта одерживала верх над всеми приманками наслаждений и досуга.

(II, 2) Но отличаться доблестью, словно это какая-то наука, недостаточно, если не станешь ее применять. Ведь науку, хотя ее и не применяешь, все же возможно сохранить благодаря самому знанию ее; но доблесть зиждется всецело на том, что она находит себе применение, а ее важнейшее применение — управление государством и совершение на деле, а не на словах, всего того, о чем кое-кто твердит в своих углах. Ведь философы не говорят ничего такого (я имею в виду то, что говорится действительно по справедливости и чести), что не было бы создано и подтверждено людьми, составившими законы для гражданских общин. И в самом деле, откуда возникло понятие о долге и кем была создана религия? Откуда появилось право народов¹⁵ и даже наше право, называемое гражданским, откуда правосудие, верность, справедливость? Откуда добросовестность, воздержность, отвращение к позорным поступкам, стремление к похвалам и почету? Откуда стойкость в трудах и опасностях? Да ведь все это исходит от тех людей, которые, когда это благодаря философским учениям сложилось, обычаями подтвердили одно,

другое укрепили законами. (3) Более того, Ксенократ¹⁶, один из самых известных философов, на вопрос о том, чего достигают его слушатели, будто бы отвечал: они добровольно делают то, что им велят делать законы. Следовательно, тот гражданин, который своим империем¹⁷ и страхом перед карой по закону заставлял всех людей делать то, к чему философы своей речью могут склонить разве только немногих, заслуживает предпочтения перед самими любителями наставлять, обсуждающими такие вопросы. И в самом деле, какую их речь, как бы отточена она ни была, можно было бы предпочесть правильному устройству гражданской общины, основанному на публичном праве¹⁸ и на обычаях? И в самом деле, как «большие и могущественные города» (как их называет Энний¹⁹), по моему мнению, следует предпочитать деревенькам и крепостцам, так тех, кто благодаря своей мудрости и авторитету стоит во главе этих городов, следует именно за их мудрость ставить гораздо выше людей, чуждых какой бы то ни было государственной деятельности. А так как нас неудержимо влечет к умножению средств существования человеческого рода и мы, помыслами и трудами своими, стараемся сделать жизнь людей более безопасной и более богатой, причем искать этой радости нас побуждает сама природа, то будем держаться пути, по которому всегда шли все лучшие люди, и не станем слушать призывов тех, кто трубит к отступлению, желая повернуть вспять даже тех, кто уже продвинулся вперед.

(III, 4) Этим столь определенным и столь ясным доводам люди, не согласные с нами, противо-

поставляют труды, которые приходится совершать в защиту государства; для бдительного и деятельного человека это, конечно, препятствие небольшое и не только на таком важном поприще, но и при занятиях обыденных и при выполнении обязанностей частного человека или даже в личных делах заслуживающее пренебрежения. Говорят они и об опасностях, грозящих жизни, причем на позорный страх смерти указывают храбрым мужам, которым естественное угасание в старости кажется уделом более жалким, чем случай, когда им пришлось бы жизнь свою, которую рано или поздно придется отдать природе, именно за отечество отдать²⁰. В этом вопросе они признают себя особенно красноречивыми, когда перечисляют несчастья, постигшие прославленных мужей, и обиды, нанесенные им неблагодарными согражданами. (5) Отсюда и примеры из истории греков: Мильтиад, победитель и усмиритель персов, когда у него еще не зажили те раны на груди, что он получил в час величайшей победы, жизнь свою, сохраненную им от вражеских копий, окончил в оковах, наложенных на него согражданами²¹; Фемистокл, с угрозами изгнанный из отечества, которое он спас, бежал не в гавани Греции, сохраненные им, а в глубь варварской страны, которую он когда-то сокрушил²². Ведь в примерах непостоянства афинян и их жестокости к виднейшим гражданам недостатка нет. Такие события, происшедшие там и часто повторявшиеся, — говорят эти люди, — многократно совершались также и в нашем могущественном государстве. (6) Упоминают и об изгнании Камилла²³, и о злобном

отношении к Агале²⁴, и о ненависти к Насике²⁵, и об изгнании Лената²⁶, и об осуждении Опимия²⁷, и о бегстве Метелла²⁸, и о величайшем несчастье, постигшем Гая Мария²⁹, [а по его возвращении] об убийстве первенствовавших людей, и о происшедшей вскоре после этого резне, унесшей много жертв³⁰. При этом теперь не избегают называть также и меня и, пожалуй, именно потому, что мудростью моей и ценой грозившей мне опасности считают себя спасенными для этой мирной жизни, еще сильнее и с большей любовью ко мне сетуют на мои злоключения³¹. Но мне трудно сказать, почему, когда сами они, для получения образования или ради ознакомления, ездят за море... [Лакуна]

(IV, 7) [Когда] я, слагая с себя полномочия консула, на народной сходке поклялся в том, что государство было спасено, причем римский народ поклялся в том же³², я, пожалуй, был вполне вознагражден за волнения и тяготы, связанные со всеми обидами. Впрочем, в злоключениях моих было почета больше, чем лишений, и не столько было тягот, сколько славы, и я от тоски, испытываемой честными людьми, почувствовал радость бóльшую, чем была боль, причиненная мне радостью бесчестных³³. Но если бы, как я уже говорил, случилось иначе, то как мог бы я сетовать на это, когда на мою долю не выпало ничего такого, чего я не предвидел ранее, и — в сравнении с моими столь великими деяниями — ничего более тяжкого, чем я ожидал? Ведь я был таким человеком, что я, — хотя мне ввиду разнообразных приятных занятий, которым я предавался с отроческих лет³⁴, либо можно было получать от своего досуга

плоды бóльшие, чем те, какие получают другие люди, либо, если бы всех постигло более тяжкое несчастье, пришлось бы испытать не какие-то особенные превратности судьбы, но равные тем, какие испытали бы и другие, — что я, ради спасения граждан, не поколебался встретить грудью сильнейшие бури и чуть ли не удары молний и, сам подвергаясь опасностям, принести спокойствие всем остальным³⁵. (8) Ибо отечество³⁶ породило, вернее, взрастило нас не с тем, чтобы не ждать от нас никакой поддержки и только, служа нашим выгодам, создавать для нас безопасное убежище для жизни на досуге и спокойное место для отдохновения, но для того, чтобы оно само, себе на пользу, взяло в залог многие и притом величайшие силы нашего духа, ума, мудрости и предоставило нам для наших личных потребностей лишь столько, сколько может оставаться после удовлетворения его собственных нужд³⁷.

(V, 9) Далее, к тем отговоркам, к каким эти люди прибегают для оправдания, дабы им еще легче было полностью наслаждаться досугом, конечно, менее всего следует прислушиваться, раз, по их словам, к государственной деятельности большей частью стремятся люди, совершенно недостойные честного дела, люди, равняться с которыми унижительно, а сражаться, особенно когда толпа возбуждена, опасно и чревато несчастьем. Поэтому, по их мнению, мудрому человеку не следует принимать бразды правления, раз он не в силах сдерживать безумные и неукротимые стремления черни, а свободному, борясь не на жизнь, а на смерть с подлыми и свирепыми противни-

ками, незачем подвергаться ударам оскорблений или ожидать несправедливостей, нестерпимых для мудрого; как будто у людей честных, храбрых и наделенных большим мужеством, может быть какое-нибудь основание посвятить себя государственной деятельности, которое было бы более справедливым, чем желание не покоряться бесчестным людям и не позволять им раздирать государство на части³⁸, [чтобы не оказаться в таком положении,] когда они сами уже не будут в силах ему помочь, даже если и захотят.

(VI, 10) Но кто может одобрить этот отказ от деятельности? Ведь, по их словам, мудрый не станет принимать никакого участия в делах государства, если только обстоятельства и необходимость не заставят его³⁹. Словно кто-нибудь может столкнуться с большей необходимостью, чем та, с какой столкнулся я!⁴⁰ Что смог бы я тогда сделать, не будь я в то время консулом? Но как мог бы я быть консулом, если бы с отроческих лет не держался в жизни того пути, идя по которому, я, происшедший из всаднического сословия, достиг высшей почетной должности?⁴¹ Следовательно, хотя государству и грозят опасности, возможность прийти ему на помощь не появляется вдруг или по нашему желанию, если не занимаешь такого положения, что так поступить ты вправе. (11) Но в высказываниях ученых людей мне обычно кажется наиболее странным то, что они, когда море спокойно, держать кормило отказываются, так как не обучались этому и никогда не старались овладеть таким умением, но что они же объявляют о своем намерении встать у кормила, когда на море разыграется силь-

нейшая буря. Ведь они склонны открыто говорить и даже превозносить себя за то, что никогда не обучались ни устройению, ни защите государства, не обучают этому других и полагают, что знание всего этого следует предоставить не людям ученым и мудрым, а искусственным в этом деле. Как, в таком случае, возможно обещать государству свое содействие только тогда, когда тебя к этому принудит необходимость, раз ты — что было бы гораздо проще — управлять государством при отсутствии необходимости не умеешь? И право, если бы и было верно, что мудрый не склонен добровольно снисходить до занятий делами государства, но в том случае, когда обстоятельства заставят его сделать это, в конце концов все же не отказывается от этих обязанностей, то я все-таки полагал бы, что пренебрегать познаниями в государственных делах мудрому человеку отнюдь не следует, так как он должен овладеть всем тем, что ему, пожалуй, рано или поздно еще придется применять.

(VII, 12) Я изложил все это весьма обстоятельно по той причине, что решил выступить в этих книгах с рассуждением о государстве. Чтобы оно не оказалось бесполезным, я прежде всего должен был устранить сомнения насчет того, следует ли вообще заниматься государственной деятельностью. Но все же, раз существуют люди, которые считаются с авторитетом философов, то пусть они на короткое время возьмут на себя труд послушать тех, чьи авторитет и слава в глазах ученейших людей величайшие. Хотя некоторые из этих последних сами государственными делами не ведали, я лично — так как они рассмотрели много вопро-

сов и много писали о государстве — все же думаю, что они выполнили некое обязательство перед государством. И право, тех семерых, кого греки называли мудрецами⁴², я, можно сказать, воочию вижу в самой гуще государственных дел. Ведь ни в одном деле доблесть человека не приближается к могуществу богов более, чем это происходит при основании новых государств и при сохранении уже основанных.

(VIII, 13) Поэтому, так как мне посчастливилось, ведя дела государства, достигнуть некоторых успехов, достойных того, чтобы о них помнили, а развивая положения о гражданственности, приобрести некоторую подготовку благодаря не только своей деятельности, но и своему стремлению учиться самому и обучать других, ... [Лакуна] [то задачу, взятую мною на себя, я нахожу для себя посильной.] ...авторитеты, между тем как из моих предшественников одни были весьма изощрены в рассуждениях, но их деяния нам неизвестны, а другие за свою деятельность снискали одобрение, но в изложении своих взглядов были неискусны. Мне же предстоит не установить свои собственные, новые, мною самим придуманные положения, а по памяти привести беседу между прославленными мудрейшими мужами нашего государства, принадлежавшими к одному поколению. О этой беседе мне и тебе⁴³ в наши юные годы сообщил Публий Рутилий Руф, когда мы провели вместе с ним в Смирне несколько дней, причем он, по моему мнению, не пропустил ничего такого, что имело большое значение для этого вопроса в целом.